

КОНВЕРГЕНЦИЯ КУЛЬТУР КАК ПРОБЛЕМА ПОЭТИКИ (ВЯЧ. ИВАНОВ. СТИХОТВОРНЫЙ ЦИКЛ “ROSARIUM”)

Д.М. Магомедова

Российский государственный гуманитарный университет; Институт мировой литературы имени М.А. Горького РАН; dinamagot@yandex.ru

Аннотация: Анализируется структура, жанровый репертуар и источники мотива «розы» в стихотворениях цикла Вяч. Иванова “Rosarium” из книги стихов “Cor Ardens”. Отмечается особая роль статьи А.Н. Веселовского «Из поэтики розы». Структура цикла наглядно реализует символистский принцип «соответствий» («одно через разное» и «разное как единое»). Объединяющий все стихотворения цикла мотив розы выявляет в разных культурных традициях общую глубинную основу. При этом соединение разнородных культурных традиций, конвергенция разных культур как в соположении циклов, так и в структуре отдельных стихотворений, в пределах одного стихотворения становится в цикле ведущим и принципиальным художественным приемом.

Ключевые слова: Вяч. Иванов; А.Н. Веселовский; стихотворный цикл; “Rosarium”; мотив «розы»; поэтика; жанровый репертуар; конвергенция культур

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-10

Для цитирования: Магомедова Д.М. Конвергенция культур как проблема поэтики (Вяч. Иванов. Стихотворный цикл “Rosarium”) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 127–135.

THE CONVERGENCE OF CULTURES AS A PROBLEM OF POETICS (V. IVANOV, THE POETICAL CYCLE “ROSARIUM”)

Dina Magomedova

Russian State University for the Humanities; M.A. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; dinamagot@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the structure, genre repertoire and sources of the motif of “roses” in the poems of the V. Ivanov’s cycle “Rosarium” (a part of his book “Cor Ardens”). The special role of A.N. Veselovsky’s article “From the Poetics of the Rose” is noted. The structure of the cycle clearly implements the symbolist principle of “correspondences” (“one through different” and “different as one”). The rose motif, which unites all the poems in the cycle, reveals a common deep foundation

in different cultural traditions. At the same time, the combination of heterogeneous cultural traditions, the convergence of different cultures both in the juxtaposition of cycles and in the structure of individual poems becomes the leading and fundamental artistic technique in the cycle.

Keywords: V. Ivanov; A.N. Veselovsky; poem cycle; “Rosarium”; “rose” motif; poetics; genre repertoire; convergence of cultures

For citation: Magomedova D. (2024) The Convergence of Cultures as a Problem of Poetics (V. Ivanov, the Poetical Cycle “Rosarium”). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 127–135.

Стихотворный цикл (или, точнее, стихотворная книга, включенная в «сверхкнигу» “*Cor Ardens*”) Вяч. Иванова “*Rosarium*” (1910–1911) представляет собой один из труднейших для анализа и интерпретации текстов. Вероятно, именно это обстоятельство оказалось причиной весьма слабой изученности названного цикла при всем растущем интересе к творчеству Вяч. Иванова в науке¹. Напомню, что в этот цикл-сборник входят стихотворные тексты, варьирующие в самых разнообразных аспектах общих, архетипический для множества мировых культур *мотив розы*.

Одно лишь описание структуры “*Rosarium*”²а может продемонстрировать всю архитектурную изысканность сложного целого. После стихотворного пролога “*Ad Rosam*” следуют циклы, внутри которых выделяются подциклы: «Газэлы» (с подциклами «Газэлы о Розе», “*Turris Eburnea*”², «Новые газэлы о Розе»), «Эпические сказы и песни» (тоже с тремя разделами, один из которых — обширная эпическая поэма / стихотворная сказка «Солнцев перстень»), «В старо-французском строе», «Сонеты», «Антология Розы (Элегические двустишия)», «Разные лирические стихотворения», «Феофил и Мария (Повесть в терцинах)» и «Эпилог».

Обращает на себя внимание особая роль дантовской традиции. Речь идет о центральном положении цикла «Сонеты», связанного с именем автора «Божественной комедии», в которой символ мистической Розы заключает путь героя. Важно и то, что в конце “*Rosarium*”²а о дантовской традиции напоминает поэма в терцинах. В то же время особо отмечена и восточная культурная традиция: цикл «Газэлы» открывает “*Rosarium*” и задает важнейшие тематические мотивы и сюжеты всего сборника.

¹ Наиболее развернутую характеристику цикла см.: [Павловская 1966]; см. также: [Davidson 1989: 207; Rudich 1986; Кожевникова 1986: 42; Обатнин 2000: 80–94].

² Башня из слоновой кости (*лат.*).

Та же изысканная сложность отличает жанровый репертуар сборника: газели, сонеты, духовные стихи, баллады, ле (Lai), рондо, рондели, триолеты, восьмистишия (Huitain), терцины, элегические дистихи, стихотворные сказки и др. При этом характерны именно отсылки к разнородным инонациональным по отношению к русской культуре традициям: персидская поэзия, французские стихотворные формы, западно- и восточнославянский фольклор, античность и др.

От читателя “Rosarium”³ требуется универсальная образованность, сюжеты стихотворений основаны на самых разнородных культурных подтекстах: античная мифология, католическая, средневековая и в особенности дантовская мифология Розы, рассказы о Франциске Ассизском, сюжеты византийских и славянских легенд и житий, северноевропейские фольклорные сказания, суфийская традиция, армянские предания. При этом, как правило, тексты стихотворений почти никогда не пересказывают используемых сюжетов целиком, рассчитывая именно на читателя, чья эрудиция равна авторской. Правда, в отдельных случаях сюжеты столь мало известны, что Иванов прибегает к автокомментарию, цитируя в авторских примечаниях источники стихотворений.

Источники текстов заслуживают особого разговора. В каком-то смысле творческая история этого цикла уникальна: среди важнейших текстов-источников, послуживших первоначальным творческим импульсом, едва ли не на первом месте оказываются научные статьи и монографии по проблемам исторической поэтики. В первую очередь, как явствует из авторских примечаний, речь идет о статье А.Н. Веселовского «Из поэтики розы»³. Согласно авторским примечаниям, к тексту этой статьи восходят сюжеты стихотворений первого раздела цикла «Газэлы» («Газэлы о Розе»): упоминания о пленной деве в розовом саду, обнесенном «шелковой заставой» («Роза меча»), об армянском празднике Преображения Вардавар («Роза преобразования»), о розе трех волхвов, эпиграф «Ты роза и я роза» в стихотворении «Роза союза», — все это стихотворные иллюстрации к отдельным фрагментам данной статьи. Реминисценции из Веселовского содержатся и в третьем разделе цикла «Газэлы» — «Новые газэлы о Розе»: упоминание о трех розах на одном стебле в заключительном стихотворении “Una”.

Столь же очевидна связь со статьей Веселовского в цикле «Эпические сказы и песни» — реминисценции из этой статьи содержатся в стихотворении «Три гроба». Описание праздника «Росалий»

³ Издание, которым в 1910 г. мог пользоваться Иванов: *Веселовский А.Н. Из поэтики розы // Привет: Художественно-литературный сборник. СПб., 1898.*

(русалий), о которых говорится в стихотворении «ΡΟΣΑΛΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΝΙΚΟΛΑΙΟΥ», в сонете «Розалии» и в поэме в терцинах «Феофил и Мария», также есть в статье Веселовского, однако в авторских примечаниях названы и две статьи Е.В. Аничкова — «Микола-угодник и св. Николай» и «St. Nicolas and Artemis».

Очевидно, цикл «В старо-французском строе» также восходит одновременно и к работам Е.В. Аничкова, и А.Н. Веселовского. Вяч. Иванов не оставил на этот счет авторских разъяснений, однако Веселовский в статье «Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви» упоминает о старофранцузском романе, в котором идет речь о цветнике роз — Champ-flori (Champ-fleuri) как синониме рая. Старофранцузские поэтические формы анализируются в широко известной книге Е.В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян»⁴. Более подробное изучение источников этого цикла — настоятельная проблема будущих комментаторов.

Ясно, что структура “Rosarium” а наглядно реализует символистский принцип «соответствий» («одно через разное» и «разное как единое»⁵). Объединяющий все стихотворения цикла мотив розы выявляет в разных культурных традициях общую глубинную основу. Речь идет о связанной с символом розы теме мистической любви как пути к Богу, к слиянию с универсальной сущностью бытия. На это соположение в стихотворениях цикла разнородных и внутренне единых культур указывал и сам Вяч. Иванов, и исследователи его творчества. Однако хотелось бы обратить внимание на другие способы объединения разных культурных традиций, более сложные, нежели простое соседство в цикле. Речь идет о соотношении тематического материала, жанрово-строфических форм и стилистики в тексте отдельных стихотворений “Rosarium” а.

В первом же цикле, «Газэлы», используется твердая жанрово-строфическая форма, отсылающая к традициям восточной (арабско-персидской) поэзии, которая и по сей день редко встречается в оригинальных русских стихах⁶ и служит исключительно задачам стилизации. Вяч. Иванов строго придерживается формального канона газели: все стихотворения, входящие в этот цикл, строятся как вереница бейтов с единой рифмой и редифом (выделено мной. — Д.М.):

⁴ Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян: Ч. 1–2. СПб., 1903–1905.

⁵ См. об этом: [Кожевникова 1986: 111–125].

⁶ Ср. утверждение М.Л. Гаспарова: «Твердые формы восточной поэзии применяются обычно только в переводах» [Гаспаров 1993: 193].

Славит меч багряной **славой** *Роза*;
Расцветает в битве **правой** *Роза*.
В тридевятом, невидимом царстве
Пленена густой **дубравой** *Роза*.
За вратами из литого золота,
За шелковою **заставой** *Роза*.

(«*Роза меча*»)

При этом на протяжении всего первого раздела цикла — «Газелы о Розе» — в роли редифа выступает самое важное тематическое слово всего сборника — *роза*. В последующих разделах роль редифа может выполнять другое слово или словосочетание, но и оно так или иначе будет связано с мотивом *розы*. Так, раздел “*Turris eburnea*” («Башня из слоновой кости») назван по одному из именовании Богоматери в католической «Литании Пресвятой Богородице», входящей в сборник молитв “*Rosarium*” («Розарий»). Но в таком случае редиф «Из слоновой кости башня» оказывается перифрастическим именованием не только Девы Марии, но одновременно и розы — общепризнанного христианского символа Богоматери.

Однако строгое соблюдение формального канона арабо-персидской газели отнюдь не распространяется на тематический канон этого жанра. Правда, сам мотив *розы* оказывается одинаково органичным и для восточной, и для христианской культуры: роза — едва ли не центральный образ всей персидской лирики, достаточно вспомнить «Гюлистан» («Сад роз», в сущности — «Розарий») Саади или газели Гафиза. Интерес Вяч. Иванова к суфийской философии и поэзии хорошо известен и уже обсуждался в исследовательской литературе (см.: Богомолов 1993; Шишкин 1996; Магомедова 1996), хотя настоящее изучение этой проблемы еще впереди. Но тематическое наполнение газелей «Роза Меча», «Роза Преображения», «Роза Союза», «Роза трех волхвов», «Роза Вечных врат», трех газелей раздела “*Turris Eburnea*” и многих других стихотворений этого цикла — отнюдь не восточное, а европейское, христианское, как это явствует уже из их названий.

В газели «Роза Меча» угадывается целый ряд сюжетов, связанных с христианской культурой. Центральный, сопоставляемый с символом *розы* образ *меча* во многих мифологиях связан с героическими сюжетами. Но упоминание о мучениках и латах в финальной строке позволяет интерпретировать этот символ более конкретно, как атрибут рыцарей-крестоносцев. В то же время мотивы плена, согласно авторским примечаниям, восходят к старонемецким легендам. Иванов цитирует Веселовского: «Таково представление о *Rosengarten*’е в Вормсе и в Тироле: к последнему ведут четверо золотых ворот, и обведен он, вместо стены, шелковой нитью, но горе

тому, кто проникнет к его розам, аромат которых разносится по лесу: смельчак поплатится рукой и ногой. Там царит демонический Лаурин, похитивший красавицу Симильду; витязи старонемецкой поэмы, носящей его имя, отваживаются на подвиг. Лаурин взят в плен, красавица освобождена» [Иванов 1974: 812]⁷. Мотивы пленной красавицы, освобожденной героем, разумеется, оказываются одной из вариаций ключевого для символистов гностического сюжета о пленной Мировой душе.

В то же время стилистика этой газели — а значит, и объемлющее авторское сознание — уходит корнями в русскую культуру и прежде всего русский фольклор. Изложение сюжета старонемецкой поэмы начинается русской сказочной формулой «В тридевятом, невидимом царстве». «Шелковая нить» превращена в «шелковую заставу», славянизмы «за вратами», «из литого злата», мотивы «кровавого пира», «лютых дебрей» — все это расхожие формулы русских сказок и былин. Так идея глубинного единства человеческой культуры, конвергенции разных национальных культур становится фактором поэтики.

Соединение разнородных культурных традиций в пределах одного стихотворения становится в “Rosarium”⁷ ведущим и принципиальным художественным приемом. Так, цикл «В старо-французском строе» открывается французской балладой “Cor Ardens Rosa”. Как и в цикле «Газэлы», Иванов строго соблюдает строфический канон: рифмовка АБАБ+БВБВ, повтор-рефрен последней строки в каждой строфе, последняя полустрофа-посылка, делающая вывод:

Всех нежной Персии даров
Ты сладостней, цветов царица!
Ты — неги, песен и пиров
Наперсница. Ты — чаровница
Любви. Тобой цветет гробница.
Земля и твердь — одна твоя
Благоуханная божница,
А ты... ты — сердце бытия!

И так же, как и в газелях, тематический материал далек от собственной национальной почвы: в первой же строке упоминается «нежная Персия», в третьей строфе говорится о «смуглой жнице», отдыхающей в «чернеющих шатрах» под пальмами, — мир этой баллады отнюдь не европейский, не французский, а восточный. Стилистика же стихотворения, как и в цикле «Газэлы», ориентирована на русскую поэтическую традицию, главным образом — пушкинскую поэтическую фразеологию («ты — песен, неги и пиров /

⁷ Цитируется упомянутая выше статья Веселовского «Из истории развития личности: женщины и старинные теории любви».

Наперсница», «Вдруг ало вспыхнешь, как денница», «Тебе поет моя цевница»). Очевидны и реминисценции из стихотворения Тютчева «Видение»:

Когда **священный** свой покров
Раскинет звездная черница,
В богоявлении миров
Твоя дымится багряница.
Гремит за морем **колесница** —
Ты, солнце **ночи** затая,
Вдруг ало вспыхнешь, как денница...

(Ср. у Тютчева:

Есть некий час, в **ночи, всемирного** молчанья,
И в оный час **явлений и чудес**
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в **святилище** небес.)

В задачу статьи не входит подробное сопоставление тестов Иванова и Тютчева, хотя несомненно не только их родство, но и определенная трансформация тютчевской картины мира.

Столь же наглядно происходит конвергенция разных культурных традиций в цикле «Сонеты». Строфическая форма, связанная с романской и английской культурой, в стихотворении «Огненный змий» тематически соединяется со славянской мифологией:

Горят по раменьям купальские костры,
И папоротники по зарослям кудесят;
Но деды космами пред гостем занавесят
Волшебных россыпей трущобные шатры.

Наконец, последний перед «Эпилогом» раздел сборника — поэма в терцинах «Феофил и Мария» — соединяет византийскую легенду X века о девственно-супружеской чете с рассказом о языческом празднестве Розалий (Росалий, Русалий). Строфическая форма, как уже говорилось, отсылает к «Божественной комедии» и, шире, к католической традиции.

В задачу статьи не входил целостный анализ структуры цикла-сборника «Rosarium» и тем более комментирование всех возможных смысловых пластов и выявление хотя бы основных культурных традиций, формирующих его внутренний мир. Целью была демонстрация способов соединения, конвергенции разных культур как в соположении циклов, так и в структуре отдельных стихотворений. В заключение можно предположить, что смысл посвящения, предпосланного сборнику — «Единой и нашей Вере», — отнюдь не сводится к биографическому, хотя бы и мифологизированному, под-

тексту. Все комментаторы указывают, что адресат посвящения — Вера Константиновна Шварсалон, падчерица Вяч. Иванова, дочь его покойной жены, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, от первого брака [Дешарт 1974: 811]. В 1910 г. В.К. Шварсалон стала гражданской женой Вяч. Иванова. Однако определение «единой» заставляет по меньшей мере предположить, что, помимо личного биографического плана, посвящение имеет и сверхличный смысл, и слово «Вера» должно быть воспринято не только в качестве женского имени, но и как обозначение глубинного смысла разных мировых религий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богомолов Н.А.* Петербургские гафизиты // Серебряный век в России. М., 1993. С. 167–210.
2. *Гаспаров М.Л.* Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
3. *Дешарт О.* Парерга и паралипомена // Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель, 1974.
4. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель, 1974.
5. *Кожевникова Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986.
6. *Магомедова Д.М.* Вяч. Иванов и А.А. Фет // *Studia Slavica Hung.* Т. 41. Budapest, 1996. С. 167–174.
7. *Обатнин Г.* Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вяч. Иванова. М., 2000.
8. *Павловская М.* Примирение, синтез и высшее единство в книге Иванова “Rosarium” // *Studia Slavica Hung.* Budapest. 1966. Т. 41. С. 199–208.
9. *Шишкин А.* «Певец у суфитов» (По рукописям Римского архива) // *Studia Slavica Hung.* Т. 41. Budapest, 1996. С. 291–309.
10. *Davidson P.* The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. Cambridge University Press, 1989.
11. *Rudich V.* Vyacheslav Ivanov and Classical Antiquity // *Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher* / Ed. R. Jackson and L. Nelson. New Haven, 1986. P. 275–280.

REFERENCES

1. *Bogomolov N.A.* *Peterburgskie gafizity* [St. Petersburg Haphysites]. In: *Serebrjanyj vek v Rossii* [The Silver Age in Russia]. Moscow, *Radix Publ.*, 1993. Pp. 167–210. (In Russ.)
2. *Gasparov M.L.* *Russkie stihy 1890-h –1925-go godov v kommentarijah* [Russian Poems of the 1890s-1925 in Commentaries]. Moscow, *Higher School Publ.*, 1993. (In Russ.)
3. *Deshart O.* *Parerga i paralipomena* [Parerga and Paralipomena]. In: *Ivanov V. Sbranie sochinenij* [Collected Works]. Vol. 2. Bruxelles, *Foyer Oriental Chretien*, 1974. (In Russ.)
4. *Ivanov V. Sbranie sochinenij* [Collected Works]. Vol. 2. Bruxelles, *Foyer Oriental Chretien*, 1974. (In Russ.)
5. *Kozhevnikova N.A.* *Slovoupotreblenie v russkoj poezii nachala XX veka* [Word Usage in Russian Poetry of the Early Twentieth Century]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1986. (In Russ.)
6. *Magomedova D.M.* *Vjach. Ivanov i A.A. Fet* [Vyach. Ivanov and A.A. Fet]. *Studia Slavica Hung.* Vol. 41. Budapest, 1996. Pp. 167–174. (In Russ.)

7. Obatnin G. *Ivanov-mistik: Okkul'tnye motivy v poezii i proze Vyach. Ivanova* [Ivanov the Mystic: Occult motifs in the poetry and prose of Vyach. Ivanov]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2000. (In Russ.)
8. Pavlovskaja M. Primirenje, sintez i vysshee edinstvo v knige Ivanova "Rosarium" [Reconciliation, Synthesis and Higher Unity in Ivanov's book "Rosarium"]. *Studia Slavica Hung.* Budapest. 1966. Vol. 41. Pp. 199–208. (In Russ.)
9. Shishkin A. «Pevac u sufitov» (Po rukopisjam Rimskogo arhiva) ["Singer at the Sufis" (According to manuscripts of the Roman Archive)]. *Studia Slavica Hung.* Vol. 41. Budapest, 1996. Pp. 291–309. (In Russ.)
10. Davidson P. *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov.* Cambridge University Press, 1989.
11. Rudich V. *Vyacheslav Ivanov and Classical Antiquity.* In: Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher / Ed. R. Jackson and L. Nelson. New Haven, 1986. Pp. 275–280.

Поступила в редакцию 13.12.2023

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 23.07.2024

Received 13.12.2023

Accepted 11.06.2024

Revised 23.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Магомедова Дина Махмудовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории классической русской литературы Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького; dinamagom@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dina Magomedova — Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Classical Russian Literature, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Leading Researcher at the Gorky Institute of World Literature; dinamagom@yandex.ru